Частное пионерское

Автор:
Михаил Сеславинский

Частное пионерское

Михаил Вадимович Сеславинский

Школьная библиотека (Детская литература)

Книга рассказов Михаила Сеславинского переносит нас в 70-е годы прошлого, двадцатого века. Воспоминания о пионерском детстве складываются в пеструю картину, где есть место всему: смешному и трогательному, нелепому и героическому, дурацкому и до боли дорогому. Автор пишет о тех мелочах, из которых складывалась жизнь миллионов мальчишек и девчонок нашей страны, стремится сохранить в памяти то, что уже становится достоянием истории.

М. В. Сеславинский – известный общественный деятель.

По мотивам этого сборника рассказов снят одноименный фильм.

Для среднего школьного возраста.

Михаил Вадимович Сеславинский

Частное пионерское

© Сеславинский М. В., текст, рисунки, 2008

© Сеславинский М. В., текст, рисунки, 2010

© Сеславинский М. В., текст, рисунки, 2022

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2022

Предисловие о райской жизни

Наверное, можно было бы начать эту книгу так: «В некотором царстве, в некотором государстве, да во славном городе Дзержинске, в достопамятные времена жил-поживал добрый молодец, пионер Мишка Сеславинский…»

Город тот располагался на берегу Оки, рядом с областным центром – городом Горьким, названным в честь великого советского писателя. Государство тоже было великим и советским, называлось Советский Союз, а время, описываемое в книге, пришлось на середину семидесятых годов прошлого, двадцатого века. Тогда, больше сорока лет назад, я был школьником, состоял в пионерской организации и жил жизнью, похожей на жизнь миллионов моих сверстников.

Сам Дзержинск – город молодой, ему нет и ста лет. В 1930 году ему присвоили имя революционера и председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем Феликса Эдмундовича Дзержинского. Естественно, главной площадью города была и остается площадь Дзержинского с памятником первому чекисту. Имеется и проспект Дзержинского, выходила газета «Дзержинец», ряд организаций носили его имя. В годы перестройки, когда по стране прокатилась волна возвращений городам и улицам исторических названий, встал вопрос о возможности переименования и нашего города. Но выяснилось, что жители не очень хотят возвращать существовавшее до 1930 года название поселка Растяпино и, соответственно, именоваться растяпинцами.

Нет уже той страны, город Горький снова переименован в Нижний Новгород, я живу в Москве, а многих моих друзей и сверстников разбросало по всему миру. С кем-то из них мы иногда перезваниваемся или видимся на каких-то мероприятиях, кто-то исчез бесследно, оставшись в моих воспоминаниях тринадцатилетним Борькой или Димкой. Бог знает как сложилась их судьба, чем они занимаются и где теперь.

Иногда я думаю: что бы испытали мы, тогдашние мальчишки, если бы вдруг некая машина времени перебросила нас в день сегодняшний, с его мобильными телефонами, компьютерами, сверкающими иномарками, пестрой одеждой, бутылками с «Фантой» и «Пепси-колой» и кучей других чудес современной цивилизации? Наверное, мы бы были в шоке и не поверили своим глазам.

Да, жизнь за это время изменилась до неузнаваемости. Ушло в прошлое много такого, о чем знать не знают наши сегодняшние дети да и многие взрослые начинают забывать. Конечно, о том времени написано немало книг, снято много талантливых фильмов, но очень часто в них говорилось о вещах особо значимых, высоких, идеях общечеловеческих, а жизнь каждого из нас состояла из множества мелких, казалось бы частных, деталей и моментов. Почему-то на них тогда не принято было обращать пристального внимания. Но именно эти частные моменты особенно дороги, как дороги были в детстве новые китайские кеды с белой резиновой подошвой, красный пионерский галстук или первый в жизни велосипед «Школьник».

Мне хочется рассказать лишь о некоторых эпизодах своего пионерского детства, не забывая о тех бытовых мелочах, из которых и состоит частная жизнь человека.

Эти рассказы почти ни о чем, но, казалось бы, мелкие детали, как кусочки пазлов, волшебным образом складываются в занимательную пеструю картину, где есть место всему: смешному и трогательному, нелепому и героическому, дурацкому и до боли дорогому.

Конечно, это не сборник воспоминаний, а художественная проза. Правда здесь смешалась с вымыслом, реальные герои – с придуманными. Но все-таки это картина существовавшей действительности моего детства.

Книга, надеюсь, станет основой для того, чтобы обсудить с родителями их собственные воспоминания о жизни в СССР.

Город Дзержинск был и остается одним из ведущих центров химической промышленности. Экология здесь всегда оставляла желать лучшего, о чем любят упоминать западные и отечественные средства массовой информации. Но для меня Дзержинск навсегда останется лучшим городом на земле. Я побывал во многих странах мира, видел много чудесных, красивейших мест на нашей планете. Но адрес рая известен мне точно – это трехкомнатная квартира номер 28, располагавшаяся на третьем этаже в доме № 57/2 по проспекту Ленина в городе Дзержинске Горьковской области. Телефон – 5-35-90.

От автора

Мухтар

В нашей квартире постоянно обитали какие-нибудь животные. Как правило, это были подобранные во дворе кошки с обычными кошачьими именами. Самым распространенным было имя Тишка. Иногда мама не очень достоверно определяла пол очередного четвероногого создания, и коты, принесенные в дом котятами, через несколько месяцев оказывались кошками. Тогда возникали проблемы с их мужскими именами, но переименовывать было уже поздно. Таким образом возникла кошка Васька (полное имя – Василий Алибабаевич, тезка смешного героя кинофильма «Джентльмены удачи»), жившая под тумбочкой в коридоре и вызывавшая ревность у кошки Шмыги (первоначальное имя Шмыгун), хозяйничавшей по всей квартире. Была также кошка Митька, обитавшая в основном в подъезде под лестницей. Митька была врожденным конспиратором. Эта пушистая разноцветная кошка сумела скрыть не только свою беременность, но и сам факт рождения котят. Мы регулярно пускали ее в квартиру и подкармливали, не подозревая, что наш Митька Конопушкин вовсе не кот, а кошка. Все раскрылось, когда она попыталась притащить к нам на третий этаж весь свой пищащий и мяукающий выводок.

Регулярно появлявшиеся на свет котята раздавались всем желающим, которых было не так уж много. Приходилось предлагать их одноклассникам в школе или пристраивать в техникуме имени Красной армии, где моя мама работала преподавателем.

Святым делом было подкармливать птиц, особенно в морозные зимние дни. Мы с сестрой Галей вставали на стул, с него одной ногой – на широкий подоконник на кухне и через форточку кидали на карниз хлебные крошки, яблочные и подсолнечные семечки, пшено или крупу «Геркулес». Делать это надо было осторожно, ведь весь кухонный подоконник был заставлен пустыми стеклянными бутылками из-под молока и кефира, подготовленными к сдаче в молочный магазин по пятнадцать копеек за штуку, и белыми пластмассовыми баночками из-под майонеза (йогуртов тогда еще и в помине не было) с кормом для птиц.

Обычно первыми прилетали голуби. Некоторым из них мы дали имена: Драчун, Хромодыр и другие. Но мы старались кидать корм так, чтобы что-нибудь перепадало воробьям, галкам и появлявшимся зимой желтогрудым синицам. Для синиц мастерили специальные кормушки – подвешенные на веревочках треугольные сине-красно-белые пакеты из-под молока с прорезанными отверстиями по бокам, куда можно было класть кусочки несоленого сала или корочки от сыра – любимое их лакомство.

Собак в нашем четырехэтажном доме с пятью подъездами, построенном еще перед Великой Отечественной войной, было не так много. Они жили во дворе, но каждую из них опекал и подкармливал кто-то из жильцов. Зимой четвероногие питомцы перемещались в подъезды, где пережидали холода на ковриках у входных дверей в квартиры. В случае же особого расположения – на таком же коврике, но уже внутри, в коридоре. Так, дворовый пес Шарик обитал у квартиры Милки Каплиной, а собака Шульга – у квартиры Сережки с неизвестной

фамилией, а потому в обиходе так и называемого – Сережка Шульгин.

У нас прижился жизнерадостный серо-пегий дворняга Мухтар. Его в любое время можно было увидеть во дворе, занятого своими собачьими делами, или в подъезде возле нашей квартиры. Он преданно охранял нас от непрошеных гостей, чутко поводя ушами и прислушиваясь к шагам на лестнице. Однажды его собачья преданность сослужила нам плохую службу.

Дело было так.

Как-то утром Мухтар лежал, как обычно, на коврике около нашей двери. Он беззаботно дремал, пока не услышал какую-то возню на втором этаже. Мухтар спустился на один лестничный пролет и обнаружил, что какой-то человек в толстой телогрейке, шапке и с большой сумкой на ремне возится у соседской двери. Недолго думая, Мухтар сбежал вниз и цапнул эту подозрительную личность за ногу.

Поступок этот, с моей точки зрения, не только логичен, но прямо-таки обязателен для любой собаки, которая не просто переводит хозяйские харчи, но и пытается их худо-бедно отрабатывать.

К несчастью Мухтара, этим подозрительным человеком оказалась почтальонша нашего района. Тетка она была не только ленивая (газеты носила поздно, а толстые журналы так просто ненавидела), но еще и визгливая.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!! – раздался ее громкий душераздирающий крик. – Ой-е-е-ой, ой-е-е-ой!!! – никак не утихал он.

Я в это время сидел у себя в комнате и учил уроки, вскоре собираясь пойти в школу.

Услышав крики и шум в подъезде, я побежал к входной двери, открыл ее и увидел виноватую морду Мухтара. Снизу раздавались ругань и громкое

обсуждение происшествия с соседями, также выскочившими из квартир. Не на шутку испугавшись, я впустил Мухтара в квартиру и спрятал в своей комнате. Родители были на работе, и мы с Мухтаром замерли, дожидаясь развития событий и одновременно теша себя надеждой, что все как-нибудь само собой уляжется и обойдется.

Не обошлось.

Через полчаса раздался звонок в дверь, и перед моими глазами возникла целая делегация: пострадавшая почтальонша с пышущим негодованием и жаждой мести лицом, соседи снизу в количестве трех человек и домоуправша тетя Паша.

– Миша, это ваша собака? – спросила тетя Паша, показывая пальцем на выглядывающего из спальни Мухтара.

– Наша, – ответил я.

– А ты знаешь, что она укусила почтальона?

– Нет.

– А где твои родители?

– На работе.

– А она у вас не бешеная?! – взвизгнула почтальонша.

– Нет, что вы, – сказал я, – она у нас здоровая собака.

– А откуда ты знаешь? Вы ей что, прививку делали? У вас что, справка есть? – все больше распалялась почтальонша.

Ничего этого у нас конечно же не было.

Долго мучить меня не стали, решив перенести всю тяжесть разговора на моих родителей, когда они вечером вернутся с работы.

Подробностей того, как происходило это выяснение отношений, я не знаю. К счастью, родители меня не ругали, да и Мухтар не был наказан.

Чувствуя ответственность за его судьбу, мы несли свой крест до конца. Во-первых, родители заплатили в сберкассе штраф в размере пяти рублей. Во-вторых, мы с мамой повезли Мухтара в ветеринарную клинику, где получили справку о том, что он здоров. Поликлиника находилась довольно далеко от нас, в поселке Свердлова, – десять остановок на трамвае да еще километра два пешком. У меня от этой поездки осталось очень неприятное впечатление. Жалко было бездомных собак и кошек, находящихся во дворе в клетках. Многие из них жалобно скулили и имели весьма плачевный вид.

Однако предпринятые нами меры не привели к желаемым результатам. Рыжая почтальонша наотрез отказалась ходить в наш подъезд, пока мы не выгоним Мухтара.

Пришлось искать какой-то выход.

К счастью, мама вела занятия в своем химическом техникуме не только на дневном, но и на вечернем отделении. Вечерники – народ серьезный: многие из них уже давно работали и имели дома и семьи. Именно в их руки и удавалось иногда пристроить котят от наших домашних кошек. В этот раз также был брошен клич, и, к счастью, нашлась одна вечерница, которая жила в пригороде в частном доме. Она согласилась взять Мухтара к себе в Черное село.

Повезли мы его на такси, что для нашей семьи было редчайшим событием. Мухтар, чуя неладное, всю дорогу нервничал и поглядывал в окно. На месте его поместили в конуру на улице и, надев ошейник, привязали веревкой. Стало понятно, что его вольная дворово-домашняя жизнь ушла в прошлое. С тяжелым сердцем и в слезах, оглядываясь, уходил я к автобусной остановке, мало прислушиваясь к утешительным словам родителей и сестры Гали.

А через два дня Мухтар появился во дворе – голодный и с обрывком веревки на шее.

– Мама! Мухтар сбежал! – радостно кричал я, вбегая с ним в квартиру.

– Вот паршивец! – только и могла сказать мама.

Через несколько часов позвонила вечерница и сообщила о побеге Мухтара, что уже не было для нас новостью.

Тем не менее Мухтара надо было везти об-ратно. Начинать новую войну с почтальоншей и соседями не было никакой возможности.

На этот раз Мухтара мы повезли на автобусе, чтобы он не запомнил дорогу домой.

Все боялись, что он снова прибежит к нам, но больше этого не случилось. Мама регулярно передавала вести от его новой хозяйки, а пару раз мы даже ездили навестить своего любимца, привозя в качестве гостинца вареные косточки.

Мухтар прижился на новом месте, а я еще долго, заходя в подъезд, прислушивался, не встретит ли меня бодрым лаем и повиливанием хвоста наш верный четвероногий друг.

Мусор

В доме, где мы жили, было много коммунальных квартир. Для того времени это было обычным явлением, и несколько семей вполне уживались на одной

жилплощади.

Часто на входной двери в такую квартиру располагался не один звонок, а несколько, так же как и разных почтовых ящиков. Под каждым из них указывалась фамилия семьи, которая жила в одной из комнат. Иногда на ящик наклеивались вырезанные названия газет и журналов, которые выписывали эти жильцы. Туалет, ванная и кухня в этих квартирах были общие на всех. Поэтому на кухне стояло несколько газовых плит и, если умещалось, небольших столиков, заполненных разнообразной кухонной утварью.

В общем коридоре на гвоздях висели жестяные тазы и велосипеды, а кроме того, были натянуты веревки. На этих веревках постоянно сушилось чье-нибудь белье. Вообще-то белье полагалось развешивать для просушки во дворе, где для этого были установлены специальные металлические столбы с крючками, а еще стояла перекладина для выбивания ковров.

У каждой хозяйки хранились длинные двухметровые палки, которыми подпирались веревки, чтобы они не провисали под тяжестью белья. Но сушить во дворе было непросто. Во-первых, часто площадка была занята соседской постирушкой. Во-вторых, играющие здесь дети могли запузырить грязным футбольным мячом в какую-нибудь простыню, полотенце или белоснежную рубашку. Из окон часто раздавался крик: «А ну-ка идите играть куда-нибудь подальше от белья!»

В-третьих, по закону подлости через десять минут после окончания масштабной стирки и развешивания нескольких веревок с бельем во дворе появлялся какой-нибудь глава семейства со свернутым в трубу пыльным ковром на плече. Незаметно продвигаясь в бельевых лабиринтах, он водружал на перекладину грязный ковер и начинал отчаянно лупить палкой-выбивалкой. Из нашего окна на третьем этаже можно было постоянно наблюдать подобную картину и слышать громкую перебранку соседей.

Моя мама стирала белье в допотопной стиральной машине «Ока-2», чуде отечественной промышленности конца 1950-х годов. Чем-то она напоминала

первые советские космические спутники, так что не удивлюсь, если изготавливал ее какой-нибудь секретный оборонный завод.

Машинка весила килограммов 70 и была почти целиком изготовлена из нержавеющей стали. Воду она конечно же не нагревала, белье не отжимала, но для этой цели в верхней части машинки имелись два валика, которые надо было вращать специальной ручкой и засовывать белье между ними. Этим приспособлением мы почти не пользовались, так как в узкую щель, кроме небольших вещей, ничего не лезло.

К стиральной машине прилагались большие деревянные щипцы. Ими помогали вращать воду с бельем, если мотор не справлялся и вещи сбивались в один большой ком. Ими же белье вынимали из горячей воды, если его надо было кипятить, и перекладывали во вместительный эмалированный таз.

Чтобы машинка не сломалась, мама берегла ее и просто кипятила белье в тазу на газовой плите, а слишком горячую воду в машинку старалась не заливать.

Особенно неудобной у этой машинки была система слива грязной воды. Резиновый шланг был прикреплен в самой нижней части корпуса, и вылить воду можно было только в очень низкую емкость или сильно наклоненное ведро. Потом эту воду надо было выливать в унитаз. Чтобы слить весь бак и ополоснуть его чистой водой, приходилось немало повозиться. Из-за этого белье в «Оке» не полоскали. Проще было переложить его в ванну и полоскать вручную.

Впрочем, подобные неудобства вовсе не были недоработками конструкторов. Дело в том, что многие дома строились так, что на полу в ванной было специальное отверстие с решеткой, через которое грязная вода должна была сливаться в канализационную систему дома. Но если мы пытались это сделать, то через несколько минут раздавался пронзительный звонок во входную дверь и крик соседей снизу: «Опять вы нас затопили!!!»

Как-то раз ко мне сразу после школы пришел Андрюшка Шубин. Он жил в первом подъезде в коммунальной квартире, где вдвоем с отцом они занимали одну из комнат. Мы часто с ним вместе гуляли в нашем дворе.

– Поедешь со мной на свалку? – заговорщицки спросил Андрюшка.

– Когда?

– Прямо сейчас, а то потом темно станет.

На свалку мне поехать очень хотелось. Это было целое приключение. Во-первых, городская свалка находилась довольно далеко: ехать до нее надо было минут тридцать на трамвае, да еще с пересадкой, почти через весь город. Во-вторых, на свалке можно было найти множество полезных вещей, которые пригодились бы для разных поделок. Ходили слухи, что там находят даже золотые украшения и деньги!

– Не могу я, Андрюшка.

– Почему? Уроки будешь делать?

– Да нет, уроки я бы и вечером сделал: нам на завтра мало задали. Да вот мусорку мне надо ждать.

Мусорка – это машина для вывоза мусора. У нас в доме тогда не было не только мусоропровода, но даже и обычных контейнеров во дворе. Два раза в неделю приезжала машина, останавливалась между домами, и жильцы выкидывали мусор из ведер прямо в нее. Было это ужасно неудобно. Машина никогда не приезжала точно по расписанию, а могла и вообще не приехать, если ломалась. Тогда вся очередь, прождав час или полтора, ругаясь, расходилась по домам с полными ведрами.

Я помню, что сначала приезжали простые грузовики с высокими бортами, а в кузове стояли двое рабочих. Им подавали ведра, они выбрасывали из них мусор и спускали вниз.

Затем уже появилась спецтехника. Это была машина грязно-зеленого цвета с металлическим кузовом и специальным прессом, который заталкивал мусор вглубь. Сначала все по очереди выбрасывали свои отходы в свободную нишу

кузова, так называемый мусороприемник, а когда их становилось много, то рабочий включал пресс, и толстая металлическая пластина ползла по дну кузова, утрамбовывая мусор.

– А ты выбрось его куда-нибудь, – посоветовал мне Андрюшка. – И поехали.

Это была хорошая идея.

Я взял ведро, тихонечко поднялся на чердак, приоткрыл дверь, тогда еще не закрывавшуюся на замок, и вошел внутрь.

На чердаке было, как всегда, темно и тихо. Свет проникал через маленькое окошко, около которого ворковали голуби. По чердаку надо было ходить очень осторожно, чтобы не услышали соседи, живущие на верхнем этаже. У них был какой-то прямо-таки музыкальный слух. Часто не успевали мы с мальчишками на цыпочках проникнуть на чердак, как из подъезда уже раздавался громкий крик: «Это кто там по чердаку шастает?! Ну-ка немедленно марш отсюда, а то сейчас милицию вызову!»

Я, чтобы не быть никем услышанным, далеко от двери по чердаку не пошел и, недолго думая, вывалил мусор из ведра в каком-то, как мне казалось, укромном местечке около стены.

Уже через десять минут мы с Андрюшкой ехали в трамвае на городскую свалку.

Бродили мы по ней, наверное, часа два, но ничего особо ценного не обнаружили, за исключением пары велосипедных звонков, будильника и увеличительного стекла.

Когда я вернулся домой, то сразу понял, что ничего хорошего меня не ждет.

– Ну и куда ты выбросил мусор? – спросила с негодованием мама, встретив меня в дверях.

– В мусорку.

– Ну что ты врешь? Сергеевы наш мусор на чердаке обнаружили и по смятому конверту определили, из какой он квартиры. Только что приходили ругаться. Позор какой!

Отпираться было бессмысленно.

– Мама, прости, пожалуйста, – только и оставалось сказать мне, не зная, как загладить свою вину.

– Вот иди и собирай там все до последней бумажки, пока папа с работы не вернулся, – отрезала мама.

Я тяжело вздохнул и поплелся с фонариком и мусорным ведром на чердак ликвидировать следы своего проступка.

«Что-то многовато мусора для одного дня», – невесело размышлял я, припоминая свое хождение по свалке и сгребая в мусорное ведро картофельные очистки, бумажные обрывки и другой хозяйственный хлам.

Трудовые десанты

По субботам в нашей квартире происходила приборка. В младшем возрасте я просто помогал маме, а вот в старших классах в наши с сестрой Галей обязанности входило мытье полов. На мою долю выпадали спальня, где мы с ней обитали, и кабинет, который на самом деле служил спальней родителей.

Мыть полы я очень не любил, как, впрочем, и Галя, у которой сразу портилось настроение, особенно если я завершал уборку комнат быстрее ее и уже отдыхал, а она все еще возилась с ведром и шваброй в коридоре.

Еще одним трудоемким занятием была чистка ковров. Специально для этих целей имелся тяжеленный пылесос «Циклон» в форме большого шара. Сменных пылесборников тогда еще не было, и надо было выносить его нижнюю часть во двор и вытряхивать лохмотья пыли на землю где-нибудь в укромном местечке около гаражей.

– Миша, идем ковры на улицу чистить, – частенько говорила мама, не удовлетворенная качеством чистки пылесосом, отметившим четвертьвековой юбилей.

Особенно она любила чистить ковры зимой. Иногда вместе, иногда я один вытаскивал ковры на рыхлый снег и по очереди расстилал шерстяным ворсом вниз. После этого выбивалкой изо всех сил лупил по обратной стороне, от чего на снегу оставался грязный серый квадрат. Работа шла веселее, если на месте коврового изделия я представлял себе какого-нибудь своего врага, лежащего на животе спиной вверх.

– Вот тебе, получай, гад! – приговаривал я, представляя Сашку из соседнего подъезда, мучителя дворовых кошек.

Затем я брал в руки веник и потихоньку сворачивал ковер в валик, обметая каждый оборот, чтобы не оставалось снега.

Когда еще чуть влажный чистый ковер расстилался в комнате, от него шел приятный свежий аромат морозца и снега.

– Вот, совсем другое дело, – говорили родители, довольные наступившей в квартире чистотой.

Папа заканчивал гладить выстиранное и тоже высушенное на улице белье. Если был сильный мороз, оно застывало, и в квартиру вносились жесткие хрустящие громадные простыни и пододеяльники, которые досушивались уже в тепле. Из кухни в это время расходился по всей квартире волнующий запах свежеприготовленного мамой борща, для которого рано утром на городском

рынке покупали мясо с косточкой.

Зато мне очень нравилось зимой расчищать снег во дворе. В подвале у нас хранилась лопата, которую на зиму переносили в квартиру. После частых и обильных в то время снегопадов многие жильцы дома выходили во двор и чистили площадки около своих подъездов. Во дворе образовывались громадные сугробы, и мы выкапывали в них целые тоннели и пещеры, не говоря уже об обязательном строительстве снежной горки. Верх заливали водой, дружно таская ее в ведрах из квартир.

Я до сих пор очень люблю чистить снег, делаю это с удовольствием при каждой возможности у себя на даче и очень расстраиваюсь из-за малоснежных теплых зим в последние годы.

22 апреля, в день рождения В. И. Ленина, устраивались трудовые десанты. После уроков мы собирали накопившийся за зиму мусор в школьном дворе, орудовали граблями и метлами на газонах и дорожках. Прошлогоднюю листву и мусор сгребали в кучи, которые потом увозили на свалку.

Во дворах проводились субботники, когда домоуправление привозило грабли, лопаты и метлы, а жильцы выходили в объявленное время на уборку и наводили чистоту и порядок около домов.

– Опять Тимошенковы на субботник не вышли. Считают, видите ли, ниже своего достоинства двор убирать. Инженера?!.. – ворчала наша домоуправша тетя Паша.

– Они и в прошлом году только на полчаса выходили, – поддакивала ей старшая по второму подъезду Валентина Ивановна Баранова, выдававшая инвентарь.

С четвертого класса в нашем расписании появился урок домоводства. Несмотря на то что класс разбивался на две группы – отдельно мальчики и девочки, – учительница все равно обучала нас сугубо девчачьим знаниям и навыкам. Мы приносили из дома продукты и учились делать салаты, варить компот или вышивали на салфетках что-нибудь типа «Дорогой маме в день 8-го Марта». Мальчишки терпеть эти занятия не могли.

Уже позднее вместо домоводства начались уроки труда, и мы под присмотром нашего добродушного учителя Михаила Федоровича овладевали приемами работы с напильником, ножовкой, рубанком и молотком. Верхом моего мастерства была кособокая табуретка с неровными ножками, которая, как мне сейчас кажется, вполне могла бы присутствовать на какой-нибудь картине Ван Гога или Пикассо.

А вот в восьмом классе все школьники раз в неделю ходили на занятия в учебно-производственный комбинат, где девочки осваивали азы профессии медсестры, швеи или секретаря-машинистки. Мальчики, как правило, учились на электриков.

И почти каждый месяц мы собирали макулатуру. Занятие это было весьма интересное и полезное. Во-первых, наша квартира очищалась от старых ненужных газет, которые скапливались под журнальным столиком. Порой к ним добавлялось и несколько журналов, хотя многие из них хранились дома, постепенно заполняя все свободное пространство под диванами, на шкафах и антресолях. В разные годы мы выписывали журналы «Пионер», «Юность», «Роман-газету», «Техника – молодежи», «Вокруг света», «Человек и закон». На них подписка была свободная. А вот в годы перестройки, во второй половине 1980-х гг., подписаться на дефицитные «Огонек», «Новый мир», «Дружбу народов» или другие литературные журналы на почте было невозможно. На каждую организацию выдавался так называемый лимит – несколько экземпляров, которые распределялись между самыми достойными сотрудниками. Так что часто приходилось караулить свежие номера журналов в киосках «Союзпечати» или в книжном магазине «Кругозор».

Самые интересные публикации мы сохраняли, а остальные журналы отправляли в макулатуру. В то время многие вырывали из журнала понравившуюся повесть или роман, которые печатались в нескольких номерах с продолжением, и переплетали в простенький коленкоровый переплет в специальных переплетных мастерских. Так получались неплохие книжки. Помню, например, в журнале «Человек и закон» печаталась очень меня заинтересовавшая приключенческая повесть «Голубой Маврикий» – об изощренной краже редчайшей марки с этим названием у одного столичного филателиста и расследовании этого преступления.

Если домашней макулатуры было мало, то мы частенько ходили по квартирам в соседних домах. Подъезды в то время не запирались, ни о каких кодовых замках,

домофонах или металлических дверях даже речи не шло. Мы звонили в квартиру и вежливо спрашивали:

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, у вас макулатура есть?

Как правило, просьба не вызывала раздражения у жильцов, если только до нас в этом подъезде уже не побывали наши одноклассники или конкуренты из соседней школы или класса. В принципе макулатуру можно было сдавать на специальные пункты приема, где за нее давали две копейки за килограмм. Но эта стоимость была так мала, что взрослые люди таким «бизнесом» не занимались и макулатуру не берегли.

Собранную макулатуру относили к большому деревянному сараю, располагавшемуся во дворе школы.

Когда Галя работала пионервожатой у нас в школе, в ее обязанности входило взвешивание сданных пачек и ведение записей в специальном журнале. Частенько она разрешала нам с Димкой покопаться в горе газет, журналов и старых книг, что мы очень любили.

Однажды мы, как обычно, помогали Гале принимать макулатуру во время майского трудового десанта. Это был очень ответственный сбор, потому что по его результатам подводились итоги всего года и объявлялись классы-победители. На пионерской доске соревнований наш 7-й «А» по количеству красных флажков шел вровень с 6-м «Б», и от сегодняшнего сбора зависело, кто станет победителем и получит почетную грамоту.

– Ну что же ты, Серега, только пять килограммов принес! Не мог, что ли, побольше притащить? – упрекали мы одного из наших одноклассников.

– Да нет у нас больше, я и так все свежие газеты из дома забрал.

– У соседей бы пошуровал.

– На работе все. Три подъезда обошел, одни бабки дома, а они не дают: скупердяйничают. Говорят, самим надо, мы газетами на зиму щели в оконных рамах затыкаем. Сколько у них этих щелей?

В это время во дворе школы, отдуваясь и еле передвигая ноги, показался Жорка Сердюк из конкурирующего класса. Невысокого роста, толстый и белобрысый, он и так-то не отличался особой резвостью, а тут прямо еле тащился, сгибаясь от тяжести. В руках у него было по пачке макулатуры внушительного размера, и наши надежды на победу таяли с каждым его шагом.

Мы с Димкой с ненавистью смотрели на него. Наши взгляды, подобно лазеру из только что прочитанного нами романа Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», казалось, могли испепелить ненавистного Сердюка и выжечь вокруг него землю в радиусе метров этак ста. Но Жорка продолжал двигаться неумолимой поступью к сараю.

– Ничего себе пачечки! – злобно прошипел Димка. – Откуда же он столько набрал?!

– Наверное, на почте был – там иногда старые газеты остаются, – таким же ненавистным шепотом ответил я.

Сердюк, задыхаясь, подошел к нам, бросил увесистые пачки на землю и вытер пот со лба рукавом синего школьного пиджака.

– Вот, принимайте, – важно заявил он.

– Откуда у тебя столько, с почты, что ли?

– Где взял – там уж нет. Так я вам все и рассказал. Взвешивайте давайте.

Димка зацепил первую пачку безменом за бечевки и поднял вверх.

– Девять килограммов, – сказал он, глядя на шкалу весов.

– Ну-ка, дай я гляну. Где же девять? Десять с хвостиком.

– Где ты десять-то увидел? Девять триста максимум.

– Да ты что, ослеп?! Вот же десять.

Я подключился к спору. Внимательно вглядываясь в безмен, наморщил лоб и весомо произнес:

– Девять с половиной.

Жорка сплюнул на землю от досады, но спорить не стал, понимая, что нас все равно не переговоришь.

– Ладно, давайте эту взвешивайте. – Он подтолкнул к нам ногой вторую пачку.

– Двенадцать кило, – сказал я, из вредности сбавив еще полкилограмма, хотя уже понимал, что решающее соревнование нами окончательно проиграно.

– Что это они у тебя по весу так разнятся? – спросил Димка. – Вроде бы пачки одинаковые?

– Во второй журналов много, они тяжелые, – гордо ответил Сердюк и, проверив наши записи в ведомости, неспешно удалился.

Оставшиеся до окончания сбора макулатуры полчаса мы провели в напрасных надеждах на то, что кто-нибудь из нашего класса принесет рекордное количество бумажного сырья. Но двух-трехкилограммовые пачки наших одноклассников представляли собой жалкое зрелище по сравнению с Жоркиными «валунами». Особенно нас разозлила Ирка Зайцева, принесшая четыре журнала «Юный художник» общим весом триста граммов.

Расстроенные, мы еще какое-то время играли в «ножички», продолжая надеяться на внезапное подкрепление. Для игры мы достали захваченные из дома перочинные ножи. У Димки был обычный, за двадцать две копейки из

хозяйственного магазина, а у меня папин подарок – красивый ножик из города Павлово, славившегося еще с дореволюционных времен своими металлическими изделиями. Мы, как обычно, начертили острием большой круг и бросили монетку – жребий, чтобы решить, кому начинать. Игра заключалась в том, что надо было по очереди кидать ножичек в круг, разделенный на две равные части, стараясь воткнуть его в землю противника так, чтобы по направлению лезвия нареза?ть себе сектора, отвоевывая чужую землю. Димка втыкал нож очень хорошо, без промахов и разными способами: «рыбкой», «с мизинца», «с переворотом» и всякими другими. Конечно, он меня быстро обыграл.

Вскоре подошла Галя и бодро спросила:

– Ну, как успехи?

– Да так себе, шестиклашки обогнали, – уныло ответили мы.

– Ладно, не расстраивайтесь! В следующем году поднапряжетесь. Идите, если хотите, поройтесь в макулатуре, только недолго.

Дважды нас уговаривать не пришлось, и мы стали просматривать пачки, в первую очередь обращая внимание на то, не выглядывает ли где-нибудь книжный переплет.

Дело в том, что некоторые сдавали в макулатуру ненужные, по их мнению, книжки. Но если они были в неплохом состоянии и интересного содержания, то можно было сдать их в букинистический магазин. Нередко эта нехитрая операция приносила нам приличные по детским меркам деньжата. Ведь одно дело – сдать макулатуру по две копейки за килограмм, а совсем другое – книжку за рубль или полтора. С этой стоимости магазин оставлял себе двадцать процентов, а остальные деньги выдавались сдающему.

Но в этот раз удача, видимо, совсем отвернулась от нас, и ничего интересного в макулатуре не обнаружилось.

Под конец наших изысканий я подошел к сердюковским пачкам и стал их развязывать. Бечевки были почему-то мокрые и туго завязаны. Еле-еле я развязал их, обламывая ногти, и вдруг увидел такое, что заставило меня дико завопить:

– Димка, ты смотри, какой подлец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/seslavinskiy_mihail/chastnoe-pionerskoe

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить